

Балканские чтения 9

TERRA BALKANICA
TERRA SLAVICA

К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян

6 февраля 2007

МОСКВА

Балканские чтения 9

TERRA BALKANICA

TERRA SLAVICA

К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян

6 февраля 2007

МОСКВА

А. А. Гиппиус (Москва)

БЕГСТВО ОТ ПЛАЩА (ЗАМЕТКИ О «ЗОЛОТОЙ ЛУДЕ» ЯКУНА «СЛЕПОГО»)*

В рассказе «Повести временных лет» о Лиственской битве 1024 г. между Ярославом и Мстиславом Владимировичами есть знаменитая фраза, описывающая пришедшего к Ярославу со своим отрядом варяга Якуна: «И бѣ Якунъ слѣпъ, [и] луда бѣ оу него золотомъ истъкана» [ПСРЛ 1: 148]. Когда исход битвы, происходившей в грозовую «рябиновую ночь», решился в пользу Мстислава и Ярослав с Якуном бежали с поля боя, последний, по словам летописца, «ѿбѣже луды златоѣ». Вопросы, почему предводитель варягов был «слеп» и что представляла собой оброненная им при бегстве «золотая луда», вызвавшие в свое время целую ученую дискуссию, уже давно нашли свое решение: согласно точке зрения, подробно аргументированной Н. П. Ламбиным [1858] и с тех пор, несмотря на продолжавшие высказываться сомнения, никем не оспоренной, *луда* – верхняя одежда, скорее всего, короткий плащ (из др.-сканд. *loði* ‘грубая верхняя одежда’, см. [Фасмер 2: 529]), тогда как загадочная «слепота» Якуна явилась результатом неверного прочтения одним из ранних переписчиков «Повести» фразы «и бѣ Якунъ съ лѣпъ» ‘и был этот Якун красив (знатен)’. Предпринимаемые время от времени попытки реанимировать догадку В. Н. Татищева, видевшего в луде некую «завеску» для глаз подслеповатого Якуна, лишены оснований [см. Поппэ 1974: 88, 89]. Не исключено, впрочем, что возможность «неправильного» прочтения *съ лѣпъ* как *слѣпъ* была с самого начала заложена в тексте: по остроумному наблюдению И. Н. Данилевского [2005: 176–177], Якун, игрою слов превращенный из красавца в «слепца», составил выразительную пару «хромцу» Ярославу, физический недостаток которого обыгрывается в описании Любечской битвы 1016 г.

Исчезнув в «рябиновой ночи» Лиственской битвы, «золотая луда» Якуна еще раз сверкнула на страницах древнерусской литературы, упомянутая в зачине «Киево-Печерского патерика»:

Бысть в земли Варяжской князь Африканъ,
братъ Якуна Слѣпаго,
иже отбѣже от златыа луды,
бияся полком по Ярославѣ съ лютымъ Мьстиславомъ
[ПлДР: 412].

Своей ритмической организацией, наличием прозвищ-определений при личных именах, техникой «отсылки» от имени к связанному с ним историческому преданию этот пассаж перекликается со «Словом о полку Игореве», вызывая в памяти прежде всего фрагмент последнего, упоминающий того же Мстислава Владимировича:

... старому Ярославу, храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редюю предъ пълкы касожьскыи
[ПлДР: 372]

В отличие от «Слова», называющего Мстислава *Храбрым* – в соответствии с его характеристикой в «Повести временных лет» («бѣ же Мьстиславъ ... храборъ на рати» [ПСРЛ 1: 149]), в «Патерике» Мстислав – «лютый». Помимо данного контекста такое определение встречается лишь в статье 1024 г. Новгородской 4-й летописи: «Ярославъ Володимеричъ в Суздали изби вохвы, а братъ его Лютыи Мьстиславъ съдъ в Черниговѣ» [ПСРЛ 4: 113], однако в этой явно вторичной записи, резюмирующей содержание полностью приведенной выше статьи ПВЛ за этот год, есть все основания предполагать уже обратное влияние на летопись со стороны «Патерика». Предположение А. А. Шахматова о заимствовании определения *лютый* из народного предания, будто бы перенесшего на Мстислава Владимировича Тмутороканского атрибут, первоначально относившийся к совсем другому персонажу – Мстише-Люту, сыну Свенельда, нужно признать фантастическим (ср. [Шахматов 1/2: 245] и критику этой гипотезы у А. Поппэ [1974]). С другой стороны, поскольку в отношении Якуна совершенно ясно, что определение «Слепой» не отражает аутентичной традиции, но было введено епископом Симоном (автором данной новеллы «Киево-Печерского патерика»), переосмыслившим таким образом предикат *слѣпъ* < **съ лѣпъ* в рассказе ПВЛ о Лиственской битве, резонно предположить, что и эпитет *лютый* был порожден тем же Симоном *ad hoc*, в чисто литературных целях.

Показательно, что определения имеются при именах Якуна и Мстислава, но не Ярослава, отнесенного таким образом на периферию фразы, центр которой образует противопоставление «Слепого» Якуна, «отбежавшего» от своей *луды*, *потому* Мстиславу. Не это ли соположение созвучных корней *луд-* и *лют-* (и даже точнее: фонетических последовательностей *луды* и *люты(м)*) имел в виду автор, делая Мстислава не «храбрым», а именно «лютым»? Степень фонетического сходства здесь – примерно та же, что и в знаменитом «кому Боголюбово, а мне горе *лютое*» Даниила Заточника; очевидно, она была достаточной для того, чтобы сделаться предметом аллитерационного обыгрывания.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ "Словесные формулы славянского мира: метатеория и эмпирия" (06-04-00264а).

Причина, по которой утрата «золотой луды» так долго вспоминалась Якуну и его потомкам, вполне очевидна и связана с особой ролью плаща в системе материальных и символических ценностей древнескандинавского общества. Для скандинава плащ – не просто дорогая одежда, но и один из важных знаков социального престижа и личного достоинства; посягательство на плащ расценивалось как оскорбление, не ответив на которое человек покрывал себя позором как трус; напротив, отстоять свой плащ – значило проявить отвагу.

Исландские саги содержат немало примеров, иллюстрирующих эту знаковую роль плаща. Два из них, приводимые ниже, представляют для нас особый интерес.

Из «Саги о Хёрде и островитянах»:

«Вот как-то раз Брюньольв уехал внутрь страны, и Гейр один вышел из дому. На нем был меховой плащ. Вот видит Гейр: к нему направляются какие-то люди, и один из них в синем плаще с капюшоном. Скоро они подошли и спрашивают Гейра, как его зовут. Гейр без утайки называет свое имя и спрашивает кто они такие. Их вожак назвался Арнтором, казначеем Гуннхильд, матери конунга. Они приценились к плащу Гейра, но тот не хотел его продавать. Тогда один из них сорвал с него плащ. Гейр не тронулся с места и схватился за меч. *Они стали громко смеяться, и потешались над ним, и дразнили, что вот, мол, исландец не удержал плаща.* Гейр не стерпел их насмешек и потери плаща и пришел в ярость. Он хватается плащ, и каждый тянет в свою сторону. Арнтор вцепился в плащ и силится вырвать. Тут Гейр взмахнул мечом и отрубил Арнтору руку повыше локтя. Затем он схватил плащ и убежал домой, потому что они все растерялись» [ИС: 391-392].

Из «Саги о Греттире»:

«На праздник середины зимы Торкель сам отправился к берлогу, и с ним еще семеро мужей. Там были в тот раз и Бьёрн, и Греттир, и другие люди Торкеля. На Греттире был меховой плащ с капюшоном. Греттир скинул его, когда они пошли на зверя. Трудно было одолеть медведя: ничем, кроме копий, его нельзя было достать, а копыта он перекусывал. Бьёрн так и сляк подбивал всех к нападению, а сам держался подальше от опасности. И, когда никто не ждал, Бьёрн вдруг хватается плащ Греттира и бросает медведю в берлогу.

У них так ничего и не вышло, и к исходу дня повернули они назад. Собиравшись уходить, Греттир хватился плаща. Он увидел, что медведь подмял плащ под себя. Он сказал:

– Кто так подшутил надо мною и бросил мой плащ в берлогу?

Бьёрн отвечает:

– Тот, кто смеет в этом признаться!

Греттир говорит:

– Подумаешь, какой подвиг!

Повернули они к дому. Прошли немного, как развязалась у Греттира темска на ноге. Торкель сказал, чтобы его подождали. Греттир говорит, что ни к чему это. Тут Бьёрн сказал:

– *Ни к чему вам думать, будто Греттир удраг от своего плаща.* Вот он наберется сейчас храбрости и один убьет медведя, от которого мы ввосьмером ушли. Тогда бы он походил на героя, за которого его выдают. А то он показал себя сегодня трус-трусом.

– Не знаю, – сказал Торкель, – как отличился ты, только ты ему неровня. И не наговаривай на него.

Бьёрн сказал, что Торкель и Греттир ему не указ.

Вот они отошли от Греттира за холм, и Греттир направился назад к тропинке в берлогу. Теперь уж ему ни с кем не надо было делить славу. Он обнажил меч Ёкуля, продел руку в кольцо на рукояти меча, чтобы сподручнее было действовать, и вышел на тропинку. Зверь, увидев человека, вскочил в дикой ярости и бросился на Греттира, и ударил его лапой, которая была дальше от обрыва. Греттир ударил по ней мечом, повыше когтей, и отрубил ее. <Греттир убивает медведя>. Потом Греттир пошел домой, забрав свой плащ. Плащ был весь изодран в клочья. Он прихватил с собою и обрубок медвежьей лапы» [СГ: 40-41].

В обоих рассказах реализуется общая сюжетная схема: герой лишается плаща – эта утрата становится предметом насмешки – герой вступает в поединок с обидчиком, в результате которого он возвращает плащ, а противнику отсекает руку/лапу. При этом в «Саге о Греттире» фигура противника претерпевает характерное раздвоение, выступая в двух ипостасях: «человеческой» и «звериной». Ситуацию, в которой медведь завладевает плащом героя, подстраивает его противник, носящий имя Бьёрн ('медведь'). Параллелизм двух рассказов усиливается тем, что в обоих утрата плаща представлена как *типичный* объект насмешки. В первом случае это подчеркивается паремнологически-обобщенным «исландец не удержал плаща»; во втором – формулировкой оскорбления в виде слов, которые *могли бы быть* произнесены по данному поводу: «Ни к чему вам думать, будто Греттир *удраг от своего плаща*» (в оригинале: Eigi þurfið þér það að ætla að Grettir *renni frá kápu sinni*, т. е. буквально 'убежал от своего плаща').

Очевидное сходство выделенной фразы с летописным «ѡбѣже луды златѡѣ» оттеняет существенное различие: исландское сочетание носит свобод-

ный характер, глагол *renna* употреблен в нем в его основном значении и имеет стандартное управление. Летописное словоупотребление, напротив, весьма специфично. Помимо рассматриваемого контекста словари древнерусского языка приводят два других, в которых глагол *ѡбѣжнути* управляет родительным падежом существительного, обозначающего предмет. Ср. в ПВЛ под 6615 г. о половцах: «ѡбѣгоша же товара своего, еже вша Русский вои»; в Галицко-Волынской летописи под 6716 г.: «Тоу же Марцель хороугве своеѡ ѡбѣже, и Роусь взать ю, и пороугъ великъ бы^с Марцелови». Значение глагола в этих контекстах И. И. Срезневский [2: 773-774] определяет как 'потерять, лишиться', СДРЯ [6: 215] – как 'потерять'.

Аналогичное употребление глагола *ѡбѣжати* находим в статье 1143 г. Новгородской 1-й летописи (Синодальный список XIII в.): «Въ то^ж лѣ^т ходиша корела на юмь и ѡбѣжаша .в. лоиву бити» [л. 23]. В СДРЯ данный контекст приводится в усеченном виде (без трех последних слов), иллюстрируя значения 'обратиться в бегство'. Между тем управление генитивом <дву> лоиву заставляет трактовать его иначе, переводя: 'и, разбитые, бежали, бросив две ладьи'. Описанная здесь ситуация аналогична отраженной статьей 1164 г. той же Новгородской летописи, в которой о разбитых новгородцами шведах говорится: «и побѣдиша ѡ бѣию помощью: овы исѣкоша, а инѣ изимаша; пришли бо бахоу въ полоу шеста дѣсать шнекъ, измаша .мг. шнекъ, а мало их оубѣжаша, и ти ѣзвѣни» [л. 32об./33]. В обоих случаях разбитый враг бежит, лишившись части своих судов.

Как видим, все четыре контекста содержательно однотипны: данная модель фиксируется исключительно в описаниях военных столкновений. Представленное в ней значение глаголов *ѡбѣжати* / *ѡбѣжнути* следует поэтому определить более точно: 'бросить, бежав с поля боя'. Корабль, товары, знамя, оружие, дорогая одежда, – всё доставшееся победителю от бежавшего врага называется одним словом: *трофеи*. Неслучайно, что само это слово (лат. *trophaeum*, греч. *τροπαῖον*) этимологически соотносится с *τροπή* 'обращение (в бегство)' [Фасмер 4: 107].

«Бегство» от предмета, в результате которого предмет меняет своего обладателя, превращаясь в трофей, предполагает наличие преследователя. Модель *ѡбѣжнути* / *ѡбѣжати* чего-л соотносится с моделью *бѣжати* (от) кого-л. Якун бежал от «лютото» Мстислава и «отбежал» своей золотой луды. Однако в качестве каузатора бегства может выступать не только лицо, но и обладающий соответствующими свойствами предмет – *апотропей*. Этимологическая связь между трофеем, оставленным обращенным в бегство врагом, и апоетропейем, отвращающим враждебную силу, наглядно проявляется в способности одного и того же предмета выступать в обоих качествах. Так, боевое знамя, способное внушать трепет врагам (в этой роли оно выступает, напри-

мер, в рассказе статьи 1096 г. ПВЛ о битве между Мстиславом Владимировичем и Олегом Святославичем, исход которой решило появление на поле боя знамени Владимира Мономаха: «и оузрѣ Шлегъ стагъ Володимерь, и оубоаса, и оужась нападе на нь ... и видѣ Шлегъ, ѡко поиде стагъ Володимерь, и оубоавъса побѣже Шлегъ» [ПСРЛ 1: 239-240]), в другой ситуации само становится трофеем (ср. уже приведенный выше контекст из Галицко-Волынской летописи: «Тоу же Марцель хороугве своеѡ ѡбѣже, и Роусь взать ю, и пороугъ великъ бы^с Марцелови»).

Эта амбивалентность кажется существенной для понимания еще одного места ПВЛ, перекликающегося с рассказом о золотой луде Якуна. Это сообщение статьи 984 г. о победе, одержанной воеводой Владимира Волчьим Хвостом над радимичами: «Иде Володимерь на Радимичи. Бѣ оу него воевода Волчьин Хвостъ, и посла и Володимерь передъ собою Волчьин Хвоста, сѣрѣте с на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волчьин Хвостъ. Тѣмъ и Русь коратса Радимичемъ, глѡще: пищанѣци, волчьин хвоста бѣгають» [ПСРЛ 1: 83-84].

Как и в «бегстве» Якуна от его плаща, в бегстве радимичей от «волчьего хвоста» современникам виделось нечто позорное. Что же именно? Почему смешно бегать от «волчьего хвоста»? Ответ, очевидно, и в данном случае нужно искать в свойствах самого предмета, естественно, различных с точки зрения зверя и с точки зрения человека. Для волка, лисы, собаки хвост, подобно флагу, воплощает в себе звериное достоинство. Лишиться хвоста – значит стать объектом поношения: волк из сказки, оставивший свой хвост в замерзшей проруби, смешон тем же, чем и потерявший свой златотканый плащ варяг Якун. В глазах человека волчий хвост является охотничьим трофеем, обладание которым сообщает владельцу ценные для воина «волчьи» качества (ср. известные сопоставления дружины с волками); прозвище *Волчий хвост* безусловно связано именно с этим. В цитированной выше «Саге о Греттире» трофеем является медвежья лапа, которую герой, убив медведя и вызволив свой плащ, демонстрирует товарищам. Наконец, охотничий трофей может играть роль апоетропей, отгоняющего болезни или тех же волков (ср. засвидетельствованную у восточных славян практику вывешивать волчий хвост на конюшне, см. [СД: 416]).

Приведенная летописцем поговорка могла апеллировать ко всему этому комплексу смыслов. С одной стороны, радимичи, бегающие от «волчьего хвоста», демонстрируя свою беспомощность даже перед таким «несерьезным» противником¹, по существу реагируют на него как на апоетропей. С другой

¹ В этом отношении показательное именование радимичей *пищанцами*. Слово, производное от названия реки *Пѣсчана* (совр. *Пищань*, правый приток р. Сож), безусловно несло в себе оскорбительный заряд. Замена *ѣ* на *и* явно имеет здесь не фонетическую природу (основные списки ПВЛ не смешивают эти графемы), но отражает насмешливое переосмысление топонима в связи с

стороны, если учесть, что столкновение Волчьего Хвоста с радимичами произошло на реке, причем, скорее всего, зимой (за данью в свои северные владения русские князья отправлялись именно в зимнее время), нельзя исключить, что в создании комического эффекта участвовал и фольклорный образ волка, «отбежавшего» от собственного хвоста.

Литература

Данилевский 2004 – Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.

ИС – Исландские саги: в 2 т. Т. II. СПб., 1999.

Ламбин 1858 – Ламбин Н.П. О слепоте Якуна и его златотканной луде: критико-филологическое исследование // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Ч. 98. № 5. С. 33–58.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

Поппэ 1974 – Поппэ А. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 64–91.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.

СГ – Сага о Греттире / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. Москва 1988–.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / Под ред. акад. Н. И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М., 1995.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

Фасмер – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.

Шахматов I/1 – Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

звукоподражательным *пищати*. Учитывая это, в качестве первоначальных следует рассматривать чтения Радзивиловского и Академического списков ПВЛ: на *ръѣѣ Пѣсчанѣ* (<Пѣсьчанѣ) ~ *пищанци*. В остальных списках это соотношение было так или иначе искажено (в Лавр. на *ръѣѣ Пищанѣ* ~ *пищаньци*; в Ипат. : на *ръѣѣ Пищанѣ* ~ *пѣщанци*; в Хлебн. : на *ръѣѣ Пѣщанѣ* ~ *пѣщанци*).